

Николай КУЗЬМИН: — Вер. Москва. — 1997. — 17 мая, — с. 5.

МАЛЬЧИКОМ Я НОЧЕВАЛ НА ВОКЗАЛЕ, ЧТОБЫ СХОДИТЬ В ТРЕТЬЯКОВКУ

Если же смертный попробует заговорить о ценностях художника, выяснится, что слов таких нет. Для нас уголь — черный, сахар — белый, а живущий на облаке видит в них десятки оттенков, для которых не придумано названий.

Поэтому я боюсь художников. У меня с ними языковой барьер. Либо они мучаются, подыскивая слова, которых нет. Либо я чувствую себя клиническим идиотом, которому надо объяснять: «Это храм Василия Блаженного, это дом деревенский, а здесь Остоженка...».

И ходил я, смертный, за Кузьминым Николаем Васильевичем по его выставке в ЦДХ. Первая персональная выставка в пятьдесят девять лет — как удостоверение в полном отсутствии пробивных способностей. И трогательная застегнутая пуговица на воротнике без галстука, и картины, о коих поговорим попозже, — все



«На Крутицком подворье»

рассказывало, что я попал на облачного жителя. Хотелось казаться умным и причастным, и чтобы в первом вопросе обязательно было слово «колорит». А вырвалось совсем другое:

— **Вообще публика любит, чтобы если реализм — так все было бы прорисовано, как на фотокартонке.**

— Некоторые говорят: почему так грубо, коряво, в пятнах... Я как-то сразу начал рисовать карандашом большие картинки. А отец мне говорил: разве у тебя большие? Вот у художников, которые на ярмарке, — у них большие! А ярмарки в Нижнем оформлял Врубель, Коровин, Серов. Отец еще с дедом ездил туда и видел, как художники работали: разводили краску в ведре и квачом мазали — вот это, говорил он, художники настоящие. Наверное, они действительно так свободно писали, и у меня это отложилось: надо свободно писать. Художник должен быть свободным.

Ледок сломан, и картины обретают свою историю. «Дом деревенский» оказывается родительским домом в Нижнем Новгороде — светлый дом, дом детства, в окошках отраженное солнце, но стекла слепы, и густая тень легла там, где ей не положено быть.

— Мать умерла, и отец умер давно...
— Сейчас там живут чужие люди?
— Сестра. Приезжает ко мне иногда.

Есть художники, живущие на облаке. Музыканты, кстати, тоже пытаются, но им это удается реже. А художники — на облаке, и разговаривают со смертными скупое, да и о чем с нами говорить? О наших ценностях? Построил дом, посадил дерево, вырастил сына, поставил дом на капремонт, срубил дерево — состарилось, поругался с сыном — не понимает... Живущий на облаке отключится и станет думать, может быть, о том, что вот был две тысячи триста лет назад такой Пракситель, сваял Афродиту Книдскую. Многим до сих пор нравится.

— **Это вы писали с натуры? Больше похоже на воспоминание.**

— Я все пишу с натуры. Но это скорее не натура, ведь вы понимаете, это скорее впечатление от натуры, мое ощущение, переживание, мой образ... А здесь интерьер этого дома: фотографии в большой раме...

— **А это вы?**

— Это я... Вот яблоко. Самый лучший для меня символ — яблоко. Еще песня была: «Красное яблоко, розовый цвет, ты меня любишь или нет», — детская такая песенка... Парис, когда красавицу выбирал, что вручал? Яблоко — символ признания красоты. Жар-птица. Время — часы-ходики... Мы перейдем сейчас в следующий зал, там есть Биг Бэн английский. У меня он связан с часами «Павел Буре» — я под их звон вырос. Или еще в Англии на каждом соборе петушки, а для нас петушок — это же Пушкин, «Сказка о золотом петушке»... Удивительно все переплетено. У меня и выставка называется «Связь времен».

— **А как вы попали в Англию?**

— Здесь уж судьба художника такая — случайная. Я рисовал на Юго-Западной церкви Архангела Михаила. Хорошая церковь — ну, церкви все хорошие. Я рисую. Зима. Подходит мужчина, скромно одетый, стоит, не мешает. А это же длинная история — писать работу. Прошло так полдня, а холодно, он замерз. Чувствую, он меня о чем-то хочет спросить, но, как я уже потом понял, он не понимает по русски-то, он сам из Дании. А родился в Англии. Короче говоря, он увидел мои работы и пригласил и в Данию, и в Англию. Зовут его Гарри, обыкновенный преподаватель университета, без больших денег по западным меркам, но человек интересующийся. А Дания... Опять получается



«Башня Симонова монастыря»



связь. Я когда-то любил читать Андерсена, и Гарри меня свозил туда, где памятник Андерсену, где мир сказочный. Такая далекая страна Дания, страна мечты, и вот этот человек, Гарри, оплатил туда билет и все прочее. А я расплатился картинками.

— **Чего вы ждете от этой выставки?**

— Ничего особенного не жду, я понимаю, что жизнь — сложное дело. Просто хочу показать картины к юбилею Москвы, которая меня вразумила и вырастила.

— **А вы с какого времени живете в Москве?**

— С 65-го года, как в «Строгановку» поступил. А вообще, что такое Нижний Новгород — рядом же Москва. Я ездил в Третьяковку, когда был пацаном. Переночуешь на вокзале, в туалете умоешься и пошел в Третьяковку... Туалет был около Клементовской церкви, там все бродяги по утрам собирались умываться... Все художники, конечно, любят Третьяковку. Но я любил ее с детства.

— **Праздник у вас на душе, наверное?**

— Праздник сделали близкие — жена и дочь. Эгоизмом отдаст, когда сам... Я первый раз вижу так много своих картин. В мастерской видишь одну-две работы, а художнику нужно время от времени оглянуться, посмотреть, что дальше делать... Я пытаюсь разобраться — что есть жизнь? Можно ли жизнь воплотить в картине без особой художественной переработки, грубо говоря.

...Он улыбается детскими глазами, как будто это самое обычное дело — задаваться вопросами тайны мироздания. Что есть жизнь? Если ответ вообще существует, его найдет кто-нибудь, живущий на облаке.

Евгений НЕКРАСОВ

Фото Александра АБАЗЫ. Концерн «ВМ»



«Зимний вечер»

Кузьмин Николай

19.05.97.